

Амангельди
Рахметов

СВОЙСТВА И ОБЯЗАННОСТИ

* * *

Памяти Дамира Рыскулова

Деревья говорят на деревянном
безлиственном, осеннем языке
о комнатных растениях, что вянут
на вытянутой призрачной руке.

Деревья говорят на деревянном
о хрупкости, о музыке стеклянной
на высказанных улицах, в грязи...

Деревья говорят на деревянном,
и, кажется, я знаю их язык –
под окнами, под лунным фонарем,

деревья говорят – *мы не умрем.*

* * *

Живая ночь – и облака
скрывают знаки зодиака,
луну, как лунку рыбака, –
там, где-то, некому заплакать,

Там, где-то, некого учить
вооружаться длинной веткой,
в леса закручивать крючки
и трогать воду до рассвета.

И в никуда происходить
кругами, рябью, испарением,
чтоб ни одна на свете нить
к нам не притягивала время.

Так начинаются часы
для записей в тетради ночи:
несуществующие сны,
несуществующие строчки...

Вода уходит в облака,
за облака, за ось вращения
планеты, где на червяка
клюет – такое ощущение!

Лицо возникло, я смотрю,
как косточки из абрикосов,
глаза, а в памяти урюк
несут на солнечном подносе.

* * *

Расскажи о своем близнеце,
неужели похожи
бесконечность на вашем лице
со старением кожи?

Геометрия губ и морщин
возле губ, неужели
вы смеетесь, и это ваш щит
от любви приближения?

Расскажи о талантливой тьме,
о бездарности света,
о судьбе близнеца, о тюрьме,
вашей схожести с ветром.

О стремлении жить – без конца
говорить и доказывать,
что в отличие от близнеца
ты умеешь рассказывать!

* * *

Как родинку на коже обнаружив,
ты птицу обнаружишь на столбе,
из воздуха придумаешь оружие
и с выдохом расскажешь о себе.

И птица тебя выслушает прежде,
чем выстрел доберется до столба,
хорошая беседа – это нежность,
а следствие, наверное, судьба.

* * *

Как иглой татуировщик
вводит краску не спеша
в кожу, в воздухе наощупь
тело новое – душа
ищет. Значит кто-то вышел
покурить на облака,
как вода в тупую крышку
лёгким криком кипятка.

* * *

Как вечность стремится к нулю,
душе оставаться под кожей,
молиться словами – люблю
тебя, я люблю тебя тоже...

Так складываются ладони
и губы звучат – намастэ,
я тоже поклонник подобных
приветствий, приветствуя степь.

Наследство великих причин
и малых земных обязательств –
старухе оставить ключи
в двери, а соседям смеяться.

И ты закрываешь глаза
и видишь за буквами образы –
и город, огромный базар,
и катятся бусы автобусов.

Цыганка выходит украсть
бесценное слово младенца,
казалось бы, детская страсть,
и люди все родом из детства.

НАЗВАНИЯ РЕК

Когда на стыке времени и звука
коснется ветер новых облаков,
тогда и незнакомые друг с другом
начнут учить обязанности слов.

Мы никогда не видели друг друга,
и все, что с нами не произошло,

имеет форму правильного круга,
и мы за кругом, как за волшебством.

И все, что нам, незрячим, остаётся –
хранить в ладонях тихие слова,
и слушать капли временного солнца,
стекающие капли со ствола

Какого-нибудь дерева, под тенью.
И пусть другие, знающие, как
ухаживать за комнатным растением,
мешают запах книг и молока.

А мы уснем. Раскроются ладони,
и выпадут, как ливни, имена
гостей несуществующего дома
у длинного открытого окна.

* * *

И тянется рука к другой руке,
Как маленький ручей к большой реке.

Там женщина стоит на берегу
С глубокими морщинами у губ.

И волосы касаются ключиц,
Притягивая сны свободных птиц.

Вода. Торжественная тишина.
И в небо вглядывается – она...

И день, и ночь, и женщина ничья –
Сорвется бабочка с ее плеча.

И тень ее исчезнет за ничью,
Прочистить горло горному ручью...

* * *

Раненные крыши, ни одной звезды –
тихо, будто вышло время из воды.

Призрачные птицы, как же вы смогли
переволотиться в дальние огни,

В тихую случайность, в точечный узор...
всё-таки печально видеть горизонт

Горлом пересохшим, музыкой немой –
где же вы, хорошие, я хочу домой,

Высказаться скрипке, выпить акварель,
мокрые ботинки выставить за дверь.

* * *

В зеркалах, изготовленных на́ дом,
я узнал направление взгляда,
это ты выбирала – с какой
стороны наблюдать за рекой.

Ты давала названия каждому
повороту реки, будто жажду
утоляла – а я наизусть
изучал твою тихую грусть.

А твое настоящее имя
я запомнил у стен Аркаима;
я учился у местных аркан,
как снимать с языка облака.

Удивительно, мокрое время
не смогло изменить направления
взгляда, жажды давать имена
и привычки сидеть у окна.

За окном начинается ливень,
настоящий, густой и красивый –
это ты, как в стране городов,
говоришь языком облаков.

А внизу, под висячим балконом,
тебя слушает дух Актеона,
он боится, что ты прекратишь
говорить, но ведь ты говоришь!

*«Новый Берег», №72, 2020 г.
Амстердам*

